

Р.Н. Палеев

МАКС ВЕБЕР О ПРАВЕ И МОРАЛИ

Аннотация. Предмет исследования – правовая концепция Макса Вебера. Среди таких классиков социологии, как К. Манхейм, В. Парето, М. Вебер, больше других уделил внимание проблемам права и морали. Когда исследователи задумывались над тем, почему капитализм возник на Западе, они пришли к выводу, что всему виной «жажда наживы». Немецкий философ полагал, что «стремление к предпринимательству», к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих – оно свойственно *all sorts and conditions of men* всех эпох и стран мира, повсюду, где для этого существует какая-либо объективная возможность. Подобные наивные представления о сущности капитализма принадлежат к тем истинам, от которых раз и навсегда следовало бы отказаться ещё на заре изучения истории культуры. Причиной появления капитализма Вебер считал протестантский этос – особый свод моральных представлений, которые связаны с поэтизацией труда, аскезы, нравственной чистоты. В статье применены методы социологии как особой гуманитарной дисциплины. Вместе с тем автор широко использует позиции юриспруденции, выводы философии права. В ряде случаев он также опирается на герменевтику. В статье впервые анализируются правовые идеи Вебера в их соотносённости с моралью. Автор показывает влияние, которое идея профессионального призвания аскетического протестантизма оказала на сферу современной предпринимательской деятельности. Один из главных компонентов современного капиталистического духа и всей современной культуры – рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания – возник (и настоящая работа посвящена доказательству этого) из духа христианской аскезы. Свою основу жизненный уклад современного капитализма находит в этике аскетического протестантизма. Мысль об обязательстве человека по отношению к доверенному ему имуществу, которому он подчинён в качестве управителя или даже своего рода «машины для получения дохода», ложится тяжёлым грузом на всю его жизнь и замораживает её. Чем больше имущество, тем сильнее чувство ответственности за то, чтобы имущество было сохранено в неприкосновенности и увеличено неустанным трудом.

Ключевые слова: Вебер, мораль, право, правопорядок, аскетизм, социология, целерациональность, аффекты, экономика, хозяйство.

Abstract. The subject of this research is the legal concept of Max Weber, who among such classics of sociology as Karl Mannheim and Vilfredo Pareto, dedicated more attention to the problems of law and morality. When the scholars thought of the reason why capitalism emerged in the West, they came to the conclusion that it is all because of our “greed for gain”. German philosopher believed the “strive for entrepreneurship”, as well as the most financial profit, in its essence has nothing to do with the capitalism. This strive is characteristic to all social groups and professions of all times, and all over the world, where is a slight chance to make more profit. Similar naïve ideas about the essence of capitalism belong to those truths, which should be rejected once and for all back at the initial stage of studying history of culture. According to Weber, the cause of emergence of capitalism is the protestant ethos – a specific code of moral ideas that are connected with poetization of labor, asceticism, and moral purity. The article is first to analyse Weber’s legal ideas and their correlation with morality. The author demonstrates how the ascetic Protestantism affected the modern entrepreneurship. One of the main components of the modern capitalistic spirit and spirit of the entire modern culture – the rational lifestyle based on the idea of professional calling – appeared from the spirit of Christian asceticism.

Key words: Weber, Morality, Law, Legal order, Asceticism, Sociology, Targeted rationality, Affect, Economy, Capitalism.

М. Вебера интересовали вопросы, связанные с отношением к догматике права. Прежде всего, он стремился объяснить такой феномен, как «понимающая социология». Он отмечал, что в поведении людей, как и в любом процессе, можно выявить разнообразные связи, а также регулярность появления

такого феномена. Но только человеку свойственно толковать протекающие процессы. Толкование же сводится к тому, чтобы обнаруженные отношения были понятны. Социолог может сколько угодно перечислять факты, подробности без уяснения их смысла. Если же сами события и процессы можно

не просто обозначать, но и осознавать их сущность, направленность, значимость, то такая социология будет называться «понимающей».

Бихевиористы полагали, что внутренняя жизнь человека скрыта, трудно постигаема. Но поведение гораздо яснее свидетельствует о том, что индивид переживает.

Допустим, некто ударил другого человека. Стало быть, налицо агрессия. Поэтому бихевиористы полагали, что поступок важнее, чем внутреннее скрытое состояние. Но М. Вебер показывает, что одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может иметь множество мотивов [1, с. 377]. Действительно, допустим, во время сражения герой бросился на врага и погиб. Это может быть вариант мужества и храбрости или даже отчаяния. Такой поступок может быть продиктован также неверной оценкой противника или фатализмом. Поэтому М. Вебер считает, что понимание связи нужно тщательно продумывать, подвергать контролю для более точной интерпретации.

Наибольшей «очевидностью», по его мнению, отличается целерациональная интерпретация. «Целерациональным, – отмечал Вебер, – мы называем поведение, ориентированное только на средства, (субъективно) представляющимися адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели» [1, с. 377]. Но всё ли подлежит рациональному объяснению? Понятное дело, не всё. Скажем, состояние экстаза трудно выразить на языке логики. То же относится и к мистическим переживаниям, к поведению маленьких детей или к психопатическим состояниям. Эти феномены недоступны нашему пониманию. И вовсе не потому, что они обозначают отклонение от нормы. Казалось бы, напротив, неужели простые поведенческие реакции малыша недоступны толкованию? Но речь идёт не о простоте. Многие будничные реакции человека трудно объяснить разумно, складно. «Так, например, процесс тренировки памяти и интеллекта лишь частично «доступен пониманию», ничуть не более чем ряд психопатических проявлений. Поэтому науки, основанные на понимании, рассматривают устанавливаемую регулярность в подобных психических процессах совершенно так же, как закономерности психической природы» [1, с. 378].

Конечно, в поведении человека большую роль играют «иррациональные по своей цели» аффекты и «эмоциональные состояния». При использовании рациональных методик можно конструировать наиболее подходящий «идеальный тип». Социология в той же степени, как и история, не может сразу дать всестороннее и полное толкование любому процессу или явлению. Сначала в дело

вступают обычные прагматические соображения, которые позволяют понять действия. Но простое указание на поступок не решает проблемы. Поэтому исследователь продвигается дальше, за пределы обычных житейских соображений. Но именно так и создаётся, допустим, конструкция «экономического человека». Такой же метод применяется и в социологии. Иначе говоря, появляется некий идеальный тип, которого в реальности нет, он является продуктом обобщения и рационализации. И в этом его назначение. «Буддийское созерцание и христианская аскеза осмысленно соотносены с «внутренними» для действующих лиц объектами, а рациональная экономическая деятельность человека, распоряжающегося материальными благами, – с «внешними» объектами» [1, с. 378].

Понимающая социология изучает отдельно-го человека, как, собственно и его деятельность, в качестве изначальной единицы исследования. Иначе говоря, рассматривает индивида в качестве «атома». Понятное дело, что человека можно определять по-разному. Скажем, можно толковать индивида в качестве совокупности когнитивных, психических или социальных процессов. Но для социологии важно толковать человека в качестве носителя осмысленного поведения. Он на самом деле – единственный держатель такого поведения. Не только специфика языка, но и характер нашего мышления таков, что мы стремимся ухватить поведение людей, обнаружить это поведение в облике устойчивого бытия. Все это привилегия и обязанность социологии.

Мы часто пользуемся абстрактными категориями вроде «государство», «сообщество». Но каким образом складываются эти понятия? Они не существуют абстрактно в том смысле, что не имеют никакого отношения к реальности. История – это продукт деятельности людей. Экономика – это тоже результат определённой социальной практики. Однако социология отличается от юридического отношения к объекту. «В юриспруденции «государство» при известных обстоятельствах рассматривается, подобно отдельному человеку, как «юридическое лицо», так как в юридическом исследовании, направление правовых положений, каким оно *должно* быть, подобного рода понятийное вспомогательное средство может восприниматься как полезное и даже необходимое. Совершенно так же правовое положение видит в эмбрионах «юридические лица», тогда как для эмпирических понимающих дисциплин даже в поведении ребёнка граница между чистой данностью практически релевантного поведения и «поведения», понятного по своему смыслу, не может быть чётко проведена» [1, с. 386].

Если же право попадает в орбиту социологического исследования, то данная дисциплина не занимается обнаружением логически верного «объективного» содержания «правовых положений». Социология же проявляет интерес к действиям, а также представлениям людей о «смысле» и «значимости» определённых правовых положений. Социология, по мнению М. Вебера, обращает внимание на вероятность распространённости подобных представлений. Господствующие в умах некоторых людей представления о смысле могут порой привести к рациональной ориентации поведения. Это предоставляет конкретным людям определённые шансы. Более того, это способно влиять на их поведение.

Правовая концепция Вебера обладает особой ценностью. Эта концепция интегральна, соотносится с другими компонентами. Но она, что особенно важно, включает в себя концепцию формально-рационального права. Методология Вебера в данном случае опирается на его же собственное объяснение формальной рациональности.

Причём Вебер учитывает практику рационализации социальных отношений в европейском обществе. Вебер сравнивает формальную и материальную рациональность в хозяйственной жизни. Что представляет собой экономика, которая зиждется на началах формальной рациональности? Каждое предприятие рассчитано на прибыль. Иначе говоря, бизнесмен уверен, что в результате хозяйственной деятельности образуется определенный излишек, если учитывать денежную оценку затраченных на предприятие средств. Предприятие, рассчитывая капитал, составляет баланс, который и учитывает все единичные правила в области «калькуляции», иначе говоря, держит на прицеле все определения шансов на меновую прибыль. Поскольку этот расчёт становится всеобщим, то все на него и ориентируются. Такую формальную ориентацию на возможности рынка, М. Вебер называл мирной борьбой людей между собой и борьбой за цену. Таким образом, формальная рациональность призвана рассчитывать все затраты, строго исчислять издержки и доходы.

На иных основаниях держится материальная рациональность в сфере экономических отношений. Она просчитывает шансы рынка. Здесь речь идёт не только о выгоде и прибыли. Приходится считаться не только с коммерческими затратами, но и с теми нравственными представлениями, которые бытуют на рынке. Огромное значение могут иметь, например, взгляды на справедливость, а также политическая целесообразность тех или иных акций. В целом хозяйственная практика подвержена процессу десакрализации. Предприни-

матели всё чаще апеллируют к праву, а не к ценностным ориентациям. Оба типа рациональности находятся в состоянии соперничества. По мнению М. Вебера, правовая жизнь также не свободна от спора между формальным применением права и материальным чувством справедливости [2, с. 10]. Этот тезис Вебер иллюстрирует примерами. Он ссылается на противостояние прусского короля Фридриха Великого с профессиональными юристами. Эти юристы толковали его указы и решения, направленные на оптимизацию управления и общее благо, исключительно формально. А это, как считал король, вызывает непредвиденные общественные последствия [2, с. 22]. Важно показать, что к материальной юрисдикции М. Вебер относил юриспруденцию мусульманского кади, юстицию теократии и абсолютизма. В качестве примера юстиции формально-юридической он называл юриспруденцию бюрократического типа.

Наиболее рельефно формально-рациональное право, по мнению Вебера, выразилось в юриспруденции немецких пандектистов XIX в. [3, с. 526]. Право, основанное на формальной рациональности, разумеется, в его идеально-типическом варианте, представляет собой логически взаимосвязанную систему абстрактных норм. Предполагается, что любое конкретное юридическое дело, процесс или проблема в правовом поле может быть квалифицировано в этих рамках, предлагающих решение вопроса.

Материальная юрисдикция отказывается от формального, обездушенного мышления. Жизненные шансы рядовых агентов социальных отношений не подвергаются формальному расчёту. Здесь есть и чисто человеческие формы решения жизненных проблем. Вебер ссылается на китайские законы. Предположим, некто продал дом другому лицу. Но получив расплату в процессе последующей жизни, разорился. Согласно устоявшимся китайским юридическим правилам такой неудачник не остаётся на улице. Он имеет право просить нового хозяина дать ему возможность жить в проданном им доме. При этом предусматривалось даже возможное возмездие в том случае, если новому хозяину покажется, что он вовсе не обязан приютить прежнего владельца. Но невыполнение древнекитайского завета может в случае отказа нового хозяина вызвать гнев духов. Так обедневший продавец дома получает кров, что никак не вытекает из формального права.

Можно привести и другие примеры такого подхода к жизненной проблеме. Вот что пишет о китайском правосудии Г.С. Померанц: «Ли хунчжан, взяв в плен тайпанского ванна (по русской титула-

туре XIX в. – великого князя), счёл необходимым его казнить. Но перед этим пленник получил бумагу, тушь и кисточку – написать своё жизнеописание для имперских анналов. Так принято было издавна. Конфуцианцы более двух тысяч лет хранили – и сохранили для современных изданий и переводов – «Книгу правителя области Шан», где Шан Ян называет идеи Конфуция червями, пожирающими государство. Мудрость Конфуция требовала сохранять память о каждом значительном человеке, даже позорившем Конфуция в своих писаниях. Живучесть китайской культуры показывает, что это хороший принцип» [4, с. 237].

Итак, формальное правило устанавливало, что не следует иметь дело с преступником, совершившим злодеяние. Но китайское правосудие как бы в известном смысле отменяло этот приговор. Позволяя преступнику описать свою жизнь и идеи, которыми он руководствовался, правосудие уравнивало его с великими правителями, давая ему право перед смертью изложить своё понимание жизни.

Будучи экспертом права, М. Вебер в то же время стремился сломать перегородки, которые отделяют юриспруденцию от культуры и морали. В этом смысле его называли «ферментом», способным обеспечить переключку нравственного этоса, культурных императивов с узким горизонтом права. Разумеется, у Вебера нет специального труда, в котором эта тема стала бы универсальной. Однако в своей работе «Хозяйство и общество» М. Вебер затронул основные понятия права, порядка, легитимности, образования союзов и форм господства. Но не меньшую ценность представляют размышления Вебера о типах социального поведения. Возможность единообразия в установках социального поведения он называл нравами. Обычаем же он обозначал привычки, которые существуют на протяжении длительного времени. «Обычай, – писал он, – мы будем определять как «обусловленный интересами, если (и в той мере, в какой) возможность его эмпирического развития обусловлена только чисто целерациональной ориентацией поведения отдельных индивидов на одинаковые ожидания» [1, с. 475].

К нравам Вебер относил и моду. Правда, М. Вебер считал, что мода является носителем новизны и стремлением к ней. Однако современные эксперты по рекламе показывают, что в моде нередко воскрешаются давние предпочтения, бывшие стандарты. мода тяготеет к новизне, но нередко погружается в давнее. Что касается обычая, то в отличие от условности и права, у Вебера оказывается не гарантированное внешним образом правило, которым действующее лицо фактически руководству-

ется добровольно, иначе говоря, не задумываясь. Большей частью, по мнению Вебера, из соображений удобства. На самом деле обычаи, хотя и принимаются добровольно, но обладают определённой принудительностью в силу общественных правил и условностей. Однако переход от традиции к условностям и праву точно установлен быть не может.

Право имеет обширное поле. Но оно не может замыкать весь социальный горизонт. Некоторое время назад в России заговорили о том, что ценности нужно подвергнуть правовой экспертизе и контролю. Однако здесь вслед за Вебером надо подчеркнуть, что право здесь правомочно не всегда. Мораль предписывает чтить своих родителей. Однако если сын или дочь относятся к родителям непочтительно, то привлечь их к правовой ответственности невозможно. Право начинает действовать только в том случае, когда дети хотят завладеть родительским имуществом или когда в своём непочтении они совершают противоправные действия.

Разумеется, в экономической практике люди чаще всего руководствуются собственными интересами. Трудно принудить агента хозяйственной жизни ориентироваться на обычай вопреки собственной выгоде. В качестве примера Вебер приводит ценообразование на «свободном» рынке. Здесь агенты хозяйственной практики учитывают свои интересы и соотнобразуются с интересами других. Если они действуют таким образом, возникает единообразие, регулятивность и длительность установки и поведения. «Тот факт, что ориентация только на собственные и чужие интересы достигает эффекта, которого обычно пытаются – и очень часто тщетно – добиваться с помощью норм, привлёк внимание многих исследователей, прежде всего в области экономики. Можно даже считать, что именно это наблюдение явилось одним из факторов, определивших возникновение политической экономики как науки. Однако значимость указанного явления распространяется и на все остальные сферы человеческого поведения» [1, с. 476]. Итак, внутреннее следование обычаям заменяется нередко планомерной адаптацией к констелляции интересов. Разумеется, понятие «рационализации» поведения такой заменой не исчерпывается. Здесь также возможна своеобразная рационализация обычаев и аффектов, которые, впрочем, вытесняются сферой чисто рациональной.

Феномен права понимался М. Вебером в неразрывной связи с другими социальными процессами и феноменами. Немецкий социолог отказывался рассматривать право как функции или совокупности экономических отношений. Он возражал и против идеологических интерпретаций правого-

го мышления. Тем более Вебер не мог согласиться со стремлением сравнить социологию права с тем, что после К. Маркса стали называть «критикой идеологии». М. Вебер настаивал на скрупулезном изучении тех неизбежных идеологических «примесей» в праве, которые вызваны самой природой человеческой ментальности. Выстраивая «идеальные типы» социальных процессов, Вебер понимал, что в реальной социальной практике они не существуют. Поэтому он и предлагал исследовать конкретные (социальные, культурно-психологические, исторические и другие) отклонения от идеальных типов. Он усматривал в праве инструмент противоположных социальных интересов.

С одной стороны, право, по Веберу, является «инструментом господства и принуждения», а с другой, оно оказывается средством борьбы низов против господства. Поэтому он рассматривал право как некую «плавающую основу», которая не рассчитана на то, чтобы возвести на ней надёжное социальное здание. История древнейших цивилизаций, и в особенности европейской, обнаруживалась для него постепенной «социализацией» или «рационализацией» права, т.е. превращения его в нейтральный (в силу своей формальности) элемент социального строительства и развития. Одновременно с рационализацией права (т.е. формальной объективацией) происходит устранение из права индивидуализирующего принципа, несущего эмоциональные компоненты (харизмы).

М. Вебер пытался ответить на вопрос, почему в Азии невозможно было самостоятельное развитие капитализма, как в Европе, и найти причины этого в существующих религиях. Эта проблема обсуждается до сих пор и является предметом многочисленных дискуссий в странах Азии. В Японии сочинения Вебера были переведены очень рано, и дискуссия проводилась уже в условиях реального развития капитализма. В Индии его труды в 60-е гг. вызвали негативную реакцию из-за плохого, с погрешностями перевода с английского языка. Здесь развитие капитализма происходило в условиях колониального господства, когда бурно развивался и реформировался индуизм, приспособившись к новым условиям. В Китае поворот к Веберу произошёл в рамках дискуссии по вопросам развития социализма.

М. Вебер рассматривает влияние религиозно-этических мотивов на становление специфически капиталистического образа жизни. Капиталистическому образу жизни присуще стремление к накопительству, совершенствованию профессионализма и отрицание наслаждений. По Веберу, такое поведение индивидов обусловлено специфически

религиозными мотивами. Эту раннюю фазу капиталистического развития он связывает с ускорением процесса капиталистической рационализации, постоянно освобождающейся от традиционных (феодализма) форм развития.

При исследовании религиозной мотивации действий индивида в период становления капитализма М. Вебер рассматривает отдельные социальные группы, в которые входят мелкие и средние предприниматели. Вебера интересует проблема изменения самой личности и её социальной позиции на ранней стадии развития капитализма. Интересы Вебера направлены также на исследование культурного значения капитализма, его влияния на различные сферы жизни. Он ищет в картинах мира, которые представлены в разнообразных религиях, те, что могут задать определённую ценностную и целевую ориентацию капиталистическому образу жизни.

Своеобразие европейского бюргерского слоя Вебер прежде всего видит в его религиозном отношении к миру. Его бытие, основанное на технических или экономических расчётах и управлении природой и обществом, стремится к простой рационализации образа жизни, которая вырабатывает этическую и рациональную регламентацию жизни. Бюргерский слой, как правило, исповедует протестантизм, характеризующийся активно аскетическим мировосприятием, не оставляющим в мире места чувствам.

В свою очередь М. Вебер отмечает, что эти две характерные черты протестантизма начисто отсутствуют в этике конфуцианства и индуизма, где, напротив, остались неизменными магические представления о мире, сохранялось наивное понимание земной действительности (конфуцианство) и созерцательно-мистический отказ от мира (индуизм).

В своих исследованиях Вебер использует эволюционистское понимание истории. Согласно его концепции, в истории имеют место разрывы, революции, происходят процессы стагнации и гибели старого, а появление и развитие новых исторических форм остаются необъяснёнными как для Европы, так и для Азии. Основные направления его учения могут быть продуктивно использованы для анализа различных культур, для их углублённого диалектического освоения.

Представления о правопорядке, которые исходят из анализа правовых норм, указывал М. Вебер, не согласуются с действительностью. Фактически с правовым порядком мы встречаемся там, где индивид в своей практической деятельности наталкивается на сопротивление или встречает

благоприятствование. Вместе с тем известные нам правовые нормы могут не получить подтверждения, так как необходимы ещё строгие гарантии права. Право имеет силу только в том случае, если в нём заинтересованы большие человеческие коллективы и если эта заинтересованность приобретает характер организации и принуждения. Поэтому всегда необходимо обращать внимание на «эмпирическое» значение той или иной нормы.

В некотором смысле, отмечал М. Вебер, правовые нормы означают «шансы» для индивидов или социальных групп реализовать свои материальные или идеальные интересы. Государственный аппарат может лишь до известной степени оказывать влияние на эти «шансы», так как организационные формы и социальные структуры в действительности только отчасти «сопряжены» с государством, а в основном следуют собственным интересам или уставам. Обычное право, распространенные правила и процедуры, нравы и традиции так или иначе противостоят государству как центральной инстанции гарантий и принуждения. С одной стороны, писал М. Вебер, сама социальная действительность порождает потребность в государстве, а с другой – наличие множества правил, процедур, обычаев указывает на условность приоритета государственного принуждения и границы писаного права. Можно ли в таком случае обойтись без писаного права, без правила как феномена принуждения?

Вебер оставляет этот вопрос открытым, хотя он полагает, что без конвенций (договорённостей) хозяйственная жизнь была бы невозможна. Даже «обыкновенная договорённость» содержит в себе элементы принуждения, несмотря на то, что «не прибегает ещё к внешним гарантиям и обходится «субъективной верой в объективное значение норм». Следовательно, безотносительно к государству социум так или иначе зиждется на принудительном характере отношений, поскольку речь идёт о товарно-денежных, хозяйственных, семейных и прочих контактах. Социальная же жизнь с неизбежностью должна достичь такого рубежа, когда далее уже невозможно обойтись без внешних гарантий, правоохранительных процедур, карательных органов и т.д. В целом отношения между правом и хозяйством представляются М. Веберу следующим образом.

1. Право (в социологическом смысле) гарантирует не только экономические, но самые различные интересы, начиная с элементарных (охрана личной безопасности) вплоть до чисто идеальных благ вроде «собственного достоинства». Оно гарантирует политические, церковные, семейные и другие «авторитетные

позиции», а также любые «социальные преимущества».

2. Правопорядок может оставаться неизменным, несмотря на то, что хозяйственные отношения радикально изменились.
3. Юристы могут рассматривать порядок в совершенно различных точках зрения. При этом в случае «правильной» организации экономической жизни общества вполне возможно абстрагирование от хозяйственных отношений.
4. Правовые гарантии в самом широком смысле служат непосредственно экономическим интересам, которые принадлежат к влиятельнейшим факторам образования права.
5. Эффективность влияния права на экономическую жизнь ограничивается своеобразием самой этой социальной сферы. Поэтому необходимо воспитывать послушание праву, а также повышать степень принудительности хозяйственных операций.
6. С теоретической точки зрения, государственные гарантии того или иного «экономического феномена» не являются необходимыми. Другими словами, теоретически для хозяйства нет никакой необходимости в государстве. Однако экономический строй современного общества практически может быть только «государственным». Универсальное господство обобществленного рынка способствует монополизации и регламентированию всякой «легитимной» принудительной власти посредством уникального института принуждения. Происходит это вследствие разрушения всех партикулярных, в основном опирающихся на экономические монополии, сословных и других принудительных образований.

Предмет социологии права, по Веберу, составляют публичное и частное право, «претенциозность» права и «регламент», правления и администрация, ограничение власти и её разделение, суд и, наконец, сами категории правового мышления. Наибольший интерес для Вебера представляет анализ самих категорий и дисциплин права. Он постоянно стремится к «первоисточнику» той или иной отрасли права, причём, как правило, приходит от «рациональной редукции» сложных юридических феноменов к простейшим хозяйственным или социальным (чаще семейным) отношениям. В своей «редукции» М. Вебер обращается к римскому праву, обычаям Древней Индии и примитивным отношениям варварства. Он утверждает, что целенаправленный характер современного права имеет своим историческим источником совокупность иррациональных представлений, магических обря-

дов, суеверий и т.п. Своей рациональностью право обязано развитию рыночной экономики и, в частности, нарастающему усложнению хозяйственных контактов, договоров и операций.

Современное право, согласно М. Веберу, является формальным в той мере, в какой оно со-

средотачивает своё внимание исключительно на типичных фактах и обстоятельствах материально-правового и процессуального характера. Без веберовских идей трудно понять нынешнюю практику бизнеса и его соотношение с нравственностью.

Список литературы:

1. Вебер Макс. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., СПб.: Центр гражданских инициатив, 2012. 656 с.
2. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 576 с.
3. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 624 с.
4. Померанц Г.С. Философский комментарий // Померанц Григорий. Следствие ведёт каторжанка. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 256 с.
5. Буркхардт Якоб. Размышления о всемирной истории. 2-е изд. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 560 с.
6. Вебер Альфред. Избранное: Кризис европейской культуры. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 565 с.
7. Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.
8. Зиммель Георг. Избранное: Созерцание жизни. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 392 с.
9. Манхейм Карл. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: РАО Говорящая книга, 2010. 744 с.
10. Гуревич П.С. Лгать или не лгать – вот в чём вопрос // Филология: научные исследования. 2012. № 3. С. 38-56.
11. Пархоменко Р.Н. Россия и Запад: право против морали? // Политика и общество. 2014. № 3. С. 302-312. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.3.9497)

References (transliterated):

1. Veber Maks. Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. M., SPb.: Tsentr grazhdanskikh initsiativ, 2012. 656 s.
2. Veber M. Istoriya khozyaistva. Gorod. M.: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. 576 s.
3. Berman G.Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. 2-e izd. M.: Izd-vo MGU: INFRA-M – NORMA, 1998. 624 s.
4. Pomerants G.S. Filosofskii kommentarii // Pomerants Grigoriy. Sledstvie vedet katorzhanka. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 256 s.
5. Burkkhardt Yakob. Razmyshleniya o vsemirnoi istorii. 2-e izd. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013. 560 s.
6. Veber Al'fred. Izbrannoe: Krizis evropeiskoi kul'tury. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012. 565 s.
7. Gerder Iogann Gotfrid. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013. 760 s.
8. Zimmel' Georg. Izbrannoe: Sozertsanie zhizni. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 392 s.
9. Mankheim Karl. Izbrannoe: Diagnost nashego vremeni. M.: RAO Govoryashchaya kniga, 2010. 744 s.
10. Gurevich P.S. Lgat' ili ne lgat' vot v chem vopros // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2012. № 3. S. 38-56.
11. Parkhomenko R.N. Rossiya i Zapad: pravo protiv morali? // Politika i obshchestvo. 2014. № 3. S. 302-312. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.3.9497)